

Друг всем — ничей друг.
Аристотель

Июль, 1987 год

Известный в городе молодой каратист Александр Пахомов быстрым шагом возвращался домой по Никитскому бульвару.

Когда-то давно, еще до основания города, на протяжении всего бульвара протекала река, которую в итоге из-за сильного загрязнения убрали в бетонные коллекторы. Сейчас же по центру красовались клумбы, засаженные различными цветами, оформленные вокруг белым, выкрашенным известкой бордюром.

Время было далеко за полночь, тихий шелест листьев от слабых порывов ветра сопровождал эхо его одиноких шагов.

В голове, словно волчок, крутились тревожные мысли, от которых он не мог избавиться. Засунув руки в карманы легких спортивных штанов, он вдруг остановился посередине бульвара и посмотрел на ночное небо: яркие звезды и неприступная луна казались холодными и недвижимыми.

«Нет, это просто какой-то бред. Ничего плохого не может случиться. Все-таки реальная жизнь — это не боевики с Брюсом Ли, где людей рубят направо и налево», — подумал он и, еще раз хорошенько осмотревшись вокруг, продолжил свой путь.

Бульвар был длиною почти в три километра. До поворота на улицу, ведущую к его дому, оставалось около семисот метров... Ветер усилился, а с ним и шорох листьев.

Сильная тревога охватила его: ладони вдруг вспотели, сердце учащенно забилося, стало совсем не по себе. Пахомова не покидало ощущение преследования — словно кто-то крадется за его спиной и каждый раз, когда он оглядывался, этот кто-то прятался за толстыми стволами многолетних деревьев. Отчего-то ему захотелось попасть домой как можно быстрее, и он, ускорив шаг, перешел на бег.

Наконец-то увидев через дорогу свою пятиэтажку, он свернул с бульвара, чтобы срезать путь.

Подъезды располагались с обратной стороны дома, а значит, предстояло обойти дом полностью справа, что займет минут десять, либо за пару минут протолкнуться по узкой тропе между венерическим диспансером и самим домом слева.

Бомжей, проживающих в подвале и часто выпивающих по ночам с левой стороны, дома, Пахомов не боялся и потому смело двинулся в сторону тропы. В конце концов, драться он умел на отлично и не зря считался одним из лучших каратистов в родном городе.

ПРОСТИВШИЙ НЕ ЗНАЕТ ПРАВДЫ

Пробегая, он вдруг обо что-то запнулся, но успел поймать равновесие и не упал.

Перед ним, словно гриб из-под земли, возник высокий человек, одетый в черный спортивный костюм. На руках его были черные перчатки.

— Ты?! — вздрогнул Пахомов от удивления. — Решили ведь уже все! Что еще от меня нужно?

Человек не ответил, молча сделав шаг вперед в его сторону. Пахомов ретировался немного назад и посмотрел за плечо: за его спиной стояли двое.

— Да ладно, вы что, серьезно? Давайте завтра встретимся утром и снова поговорим?! — испытывая приступ внезапного страха, предложил он, на что в ответ получил хлесткий удар нунчаками по лицу от человека, стоящего впереди.

Из носа фонтаном полилась кровь... Он тут же зажал его пальцами, да только времени на то, чтобы ждать, пока остановится кровотечение, у него не было. Он попытался вырваться из образовавшегося вокруг него кольца из троих мужчин, резко нагнувшись и рванув вперед, но его остановил мощный удар ногой под дых. Задышавшись, он согнулся пополам. Еще один удар сверху прилетел в область спины, и он упал на колени.

Холодная цепь нунчаков плотно обвила его крепкую шею, и он хаотично задергался, пытаясь выйти из удушьящего приема.

— Добивайте! — приказал человек, голос которого он знал много лет, и на Пахомова посыпались многочисленные удары.

Он пытался закрыться и защитить себя, но цепь сжимала горло все плотнее и плотнее, отчего голова закру-

ЖЕНЯ ШУМЕНКО

жились, в глазах начало темнеть и стало тяжело дышать...

Последнее, что видел каратист Пахомов, умирая на твердой, холодной земле, — это орудие его собственного убийства, которое было оставлено рядом с его истекающим кровью лицом.

«Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого».

М. Бакунин

Ровно в три пятнадцать утра в отделение милиции вошел лысый мужчина крепкого телосложения, в футболке и спортивных штанах, держа в левой руке небольшую черную кожаную барсетку.

Дежурный Савельев дремал за стеклом, сидя на жутко неудобном стуле и тихо похрапывая. Маленький вентилятор, стоявший перед ним на рабочем столе, обдувал его вспотевшее лицо теплым воздухом. Удивляться тут нечему: июль месяц всегда был самым жарким в городе N. Раскаленный воздух, дышать которым очень тяжело, а порой практически невозможно. К тому же, как назло, всю неделю было полное отсутствие дождей, и жара не спадала даже ночью.

Мужчина постучал костяшками по стеклу, отчего Савельев подскочил на стуле. Зате, потерев пальцами свои уставшие и сонные глаза, он внимательно всмотрелся в лицо посетителя.

— А, это вы, — узнал он в стоящем напротив известного в городе спортсмена и тренера по карате Анатолия Калинина. — За «немцем», что ли, своим приехали?

— За «немцем»? — недоумевающе переспросил тот и провел рукой по лысой голове.

— Штерн Евгений Александрович — ваш спортсмен будет?

— Наш, наш, — мотнул он головой в ответ.

— Ну я и говорю: за «немцем». Фамилия-то у него немецкая, — постучал Савельев ручкой по раскрытому дежурному журналу, лежащему на столе.

— Сколько? — коротко бросил Калинин, не желающий вступать в длительные беседы, и расстегнул замок барсетки.

— Так это... — замямлил дежурный, обводя ручкой в журнале фамилии задержанных этой ночью людей. — Челюсть он сломал парню. Использовал приемы карате. А карате у нас что? Правильно: запрещено Уголовным кодексом СССР.

— На выезде кто был?

— Чуриков с напарником. Доставили его в отделение вместе с наркошей. Оба уже домой уехали. Сказали: завтра утром следователь придет и разберется, кто прав, кто виноват, — старался не смотреть ему в лицо дежурный. Внешность Калинина немного утрашала: широкий, когда-то сломанный в уличных боях за деньги нос, пострадавшие от тех же самых боев уши, больше похожие на огромные пельмени. Высокий мужик, обладающий недюжинной силой... Поговаривали, что он может, как в кино, дать в голову с прыжка и сломать челюсть махом ноги, или, как называли этот прием, «вертушкой»...

— Столько пойдет? — протянул Калинин ему двести долларов сквозь небольшое окошко в стекле.

ПРОСТИВШИЙ НЕ ЗНАЕТ ПРАВДЫ

— Не знаю... — вспотел еще сильнее жирный Савельев. Глаза его при виде денег забегали. — Конечно, наркоман этот виноват. Он первый на него напал. Но карате... Понимаете, Анатолий Юрьевич... Черный пояс у «немца» этого, вашего...

Калинин усмехнулся, пошарил рукой в барсетке и молча просунул через окно еще пятьдесят долларов.

— А вообще этот ваш Штерн, парень не плохой. Не буйнит, вежливо себя ведет. И вроде никогда не привлекался. Но понимаете, какое дело... Я-то в дежурную книгу фамилию его как задержанного пока не внес, а вот Чурикову с его напарником я как исчезновение спортсмена из обезьянника объясню?

Калинин снова залез в барсетку и, демонстративно вытащив очередные пятьдесят долларов, помахал бумажкой в воздухе.

Савельев было потянулся своими толстыми, как сосиски, пальцами через окошечко за купюрой, но Калинин быстро смял ее в свой большой кулак.

— Это ведь была самозащита, не правда ли? — Дежурный достал из кармана рубашки платок и промокнул свой вспотевший лоб. — А куда он там ему ногой в темноте попал — в челюсть или в живот, разве можно смело заявить, что намеренно? Да еще и используя приемы запрещено в СССР карате... Конечно нет. Ведь было темно...

— Угу, — хмыкнул Калинин.

— Думаю, Чуриков и его напарник со мной согласятся... Если я поделюсь! — оторвал свой тяжелый зад от стула Савельев. И Калинин кинул ему в окошко смятую купюру, которая приземлилась прямо на раскрытый журнал.

— Сейчас приведу. Ждите, — подхватил тот деньги и, довольно улыбнувшись, принялся искать ключи от камеры на стене позади.

Через десять минут напротив Калинина стоял Штерн, одетый в белую майку, бежевые хлопковые шорты и кроссовки, которые он «прикуруил» на днях у местных фарцовщиков.

— Толян, Калина, ты?! Здорово! — радостно пожал он ему руку и крепко обнял. — Вот кого-кого, а тебя не ожидал здесь увидеть!

— Ты, как всегда, в отличной форме! — оглядел его Калинин. Женья в прошлом был одним из его лучших учеников и продолжал осваивать боевые искусства, держа себя в спортивной форме.

— Ты тут пока сидел, тебя «немцем» прозвали. Это так, для справки! — усмехнулся Калинин и похлопал его по плечу. — Идем, отвезу тебя домой.

— Так, а как ты здесь оказался? Расскажи! — Женьяны глаза радостно блестели.

— В машине, — кивком головы Калинин указал в сторону выхода.

Во дворе отделения их ждала белая «Лада»-девятка. Анатолий открыл дверь перед Женьякой, затем обошел машину и сел за руль.

— Видишь, как хорошо иметь своих людей в отделении, — завел он мотор.

— Дорого вышло? — откинулся Женья на спинку сиденья, немного расслабившись.

— Триста баксов.

— Цены -то растут! — присвистнул он. — На днях отдам.

— Не надо ничего мне возвращать, — отмахнулся Калинин и медленно выехал из двора отделения милиции на основную дорогу. — Лучше расскажи, что произошло на самом деле?

ПРОСТИВШИЙ НЕ ЗНАЕТ ПРАВДЫ

— Шел по дороге, никого не трогал. Тут сзади налетел на меня кто-то, хотел цепочку с шеи моей сорвать. Я его с себя скинул, развернулся и двинул левой ногой ему по голове. Кто же знал, что он хилый наркоман и сразу на землю повалится? Да и челюсть выбил ему, видать... Как назло, мимо наряд ментовской проезжал. Быстренько упаковали нас обоих — и в отделение, чтобы разобраться.

— Цепочка на месте?

— На месте, — дотронулся Женька до цепочки, лежащей в кармане, которой очень дорожил. Она досталась ему от покойной бабушки, которую он очень любил.

— Давно же не виделись мы с тобой... — остановился Калинин около подъезда его дома и потушил фары. — Столько лет тебя знаю, но никогда не спрашивал, откуда у тебя эта фамилия немецкая?

— От прадеда моего, — хмыкнул он. — Прабабка еще до войны умудрилась влюбиться. Так прадед потом за наших воевал...

— О как! Ну и как ты поживаешь? Ты как ушел из нашего клуба, пару лет назад, так с тобой и не пересекались нигде. А город у нас вроде бы не такой большой.

— Да я в полном порядке. Женился. Так же, как и ты, продолжаю тренировать группы спортсменов. Естественно, в закрытом помещении.

— Вот время! Никогда бы не подумал, что государство нас так обломает.

— Возможно, вскоре все поменяется. Я тут все в аспирантуру хочу поступить. Только стоит это восемь косарей зеленых, — с разочарованием выпалил Женя.

— За что такие бешеные деньги?! — удивился Калинин. — Все никак не успокоишься со своим физико-математическим. Образованный уже ведь. Неужели недостаточно?